

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Ян Юйбин

Ян Юйбин

МАГИЯ КАМНЯ И ВЛАСТЬ МЕТАЛЛА В СКАЗАХ П.П. БАЖОВА

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2023

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Приказчикова Елена Евгеньевна

Официальные оппоненты:

Круглова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры;

Рогачева Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», профессор кафедры русской и зарубежной литературы;

Щукина Дарья Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский горный университет», заведующий кафедрой русского языка и литературы

Защита состоится «16» марта 2023 года в «14-00» часов на заседании диссертационного совета УрФУ 5.9.07.19 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=4355>

Автореферат разослан «_____» февраля 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета:
доктор филологических наук,
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исторически писатель П.П. Бажов занял «место главного представителя Урала в сознании российского, а, возможно, и мирового читателя»¹. Н.И. Тимофеев, академик РИА, писал о Бажове: «Он больше, чем любой другой мастер слова, живший на Урале, воплотил в своих произведениях душу и дух нашего края <...> Несколько поколений геологов и любителей камня воспитывалось на сказах Бажова»².

Во многом это было обусловлено тем, что именно Бажов показал своеобразие «уральского романа с камнем»³, обусловившего своеобразие горнозаводской культуры Урала. «Роман с камнем» включал в себя не только сложную этическую систему поведения человека в «горе», но и нравственно-эстетический аспект отношения к камню, не связанный с его конкретной рыночной стоимостью. Он во многом определил специфику вертикальной модели мира уральской культуры, где главные проблемы бытия человека определяются его отношением «к камню, к земному чреву, к горной матке. Бажова интересует только Земля, о небе он не говорит вовсе»⁴. Данное обстоятельство придает особую **актуальность** исследованию литической составляющей⁵ Уральских гор и Урала в целом как особого российского региона. Магическая составляющая камней, прежде всего, драгоценных и полудрагоценных, издавна была связана с сакральной сущностью, которую приписывал им человек (М. Элиаде⁶, В.Н. Топоров⁷), наделяя их способностью представлять в своем лице некий иной мир и населяющую его «тайную силу». Данная сила могла соотноситься как с верхним космосом (литическая символика Небесного Иерусалима), так и с подземным миром, нижним этажом цивилизации, являющем собой «вместилище древних страхов»⁸. В мире сказов Бажова «магия» камня оказывается в большей степени связанной со средним космосом, миром людей. Это не противоречит мифам и преданиям Урала, видящим в данном космосе «единое каменное тело», «единство и цельность камня»: «пояс Нум-Торума, брошенный в топкую молодую землю; каменный мост, по которому бык проходит с севера на юг, не замочив копыта»⁹.

В XX в. именно Бажов сделал самоцветы Урала одними из основных героев своих сказов, прославив его «каменный пояс» не только на всю Россию, но и на весь мир.

¹ Жердев Д.В., Литовская М.А. Павел Бажов «Малахитовая шкатулка»: контексты // Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950 / сост. Г.А. Григорьев, Л.С. Григорьева; науч. ред. М.А. Литовская. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 818.

² Тимофеев Н.И. Летопись столетия // Малахитовая шкатулка П.П. Бажова в литературе 30–40 х годов. Екатеринбург: Изда-во Сократ, 1998. С. 5.

³ Никулина М.П. Камень. Пещера. Гора. – Екатеринбург: Изд-во: Банк культурной информации, 2002. С. 33.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Термин «литический» (от греч. λίθος – камень) используется в диссертации ко всей совокупности «камней», включая материалы, которые, по факту, камнями не являются, но в сказах выполняют функции камня. Так, происходит, к примеру, с соковиной дорожной из «Хрупкой веточки», которая характеризуется как «дешевый здешний камень», в то время как на самом деле она является металлургическим шлаком, получаемым при выплавке руд металлов.

⁶ Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. 2002. С. 5–6.

⁷ Топоров В.Н. Минералы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Советская Энциклопедия, 1988. С. 151.

⁸ Хант У. Подземный мир. Нижние этажи цивилизации. – М. «Олимп-пресс», 2020. С. 19.

⁹ Никулина М.П. Камень. Пещера. Гора. – Екатеринбург: Изд-во: Банк культурной информации, 2002. С. 32-33.

Для писателя в качестве «особых» камней уральской горнозаводской культуры выступают, прежде всего, малахит, медный изумруд, хризолит. Все эти камни имеют зеленоватый оттенок, что было отмечено еще академиком А.Е. Ферсманом, считавшим, что «славу русских камней составляют зеленые камни. Нет другой страны в мире, где были бы столь разнообразные камни зеленых тонов. Ими по праву гордится наша Родина»¹⁰.

Не менее актуальной для Урала и для творчества Бажова была «власть металла», олицетворением которой было, прежде всего, золото. Амбивалентная символика золота, отмеченная в мифологических словарях Х.Э. Керлота и Н. Жюльена, нашла свое подтверждение на Урале в феномене «золотой лихорадки» XIX века, затронувшей и столицу Урала, о чем писал Д.Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Город Екатеринбург». Открытие первого золотого месторождения на Урале произошло в 1745 г., и до 1922 г. Урал дал России 559 тонн россыпного и 145 тонн «коренного» золота. Это составило 1/3 всех золотых запасов России на то время. Как следствие, в сознании многих россиян XIX в. термины «Урал» и «золото» стали рассматриваться как синонимы, а само золото стало символом природного богатства края, его экономического успеха и финансового благополучия. Разумеется, Бажов не мог не отразить в своих сказах аурумический (от лат. *aurum* – золото) аспект культуры края, включая образы его властителей (Великий полоз, Огневушка-посакашка, Голубая змейка), устраивающих испытания для людей, желающих приобрести над ним власть или обогатиться при его помощи.

Вторым видом металла, ставшим олицетворением Урала как военной кузницы России, стала в сказах Бажов булатная сталь, то есть сталь с высоким (до 2%) содержанием углерода. Данное обстоятельство обеспечивало булату не только высокую твердость, но и исключительную упругость. В своих сказах Бажов не мог не обратиться к златоустовскому булату, яркому образцу отечественной булатной стали. В XIX в. возродить производство булата в России попытался российский горный инженер и ученый-металлург П.П. Аносов на Златоустовской оружейной фабрике. Данная фабрика, находящаяся в г. Златоусте Челябинской области и открытая в 1815 г., была первой государственной фабрикой в России, специализирующейся на производстве холодного оружия. С 1835 г. она стала единственным государственным предприятием, производившим холодное оружие для российской армии. Эта традиция сохранилась и в XX в. Актуальность бажовских сказов, посвященных златоустовскому булату, была связана не только с темой Мастера и мастерства, но и патриотической идеей борьбы с чуждым для Урала немецким культурным влиянием, связанным с соперничеством двух школ гравировки булатной стали.

Последней темой бажовских сказов, связанной с металлами, была тема уральского чугуна, трансформировавшегося на Урале в ажурное искусство каслинского литья, прославившего Урал на весь мир во время Парижской всемирной выставки 1900 г. Глубокий интерес Бажова к искусству художественного каслинского литья и его Мастерам, таким как В.Ф. Торокин, заставили писателя не только прославлять их творения (сказ «Чугунная бабушка»). Писатель предпринимал максимальные усилия для того, чтобы из-за сложностей военного и послевоенного времени, когда завод в Каслях переживал «мясорубочный затянувшийся антракт», искусство каслинских мастеров не было утеряно и вместе с камнерезным искусством составляло славу и гордость России.

Степень научной разработанности темы исследования. Литическая составляющая и культура металлов, неразрывно связанные с топонимом Урала, представляют собой

¹⁰ Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах / А.Е. Ферсман. Москва: Наука, 1974. 252 с.

важнейший аспект сказов Бажова. Поэтому к данной теме прямо или косвенно обращались все исследователи творчества писателя: Л.И. Скорино, М.А. Батин, Р.Р. Гельгардт, В.В. Блажес, М.П. Никулина, Л.М. Слобожанинова, Д.В. Жердев, М.А. Литовская, С. Вершинин, Е.В. Харитоновна, Е.Е. Приказчикова, Л.Ю. Степанова. Однако во всех исследованиях отсутствует структурно-системный подход к теме, находящий подтверждение как в эпистолярных произведениях писателя, где рассматривается своеобразие уральских сказов, так и в мемуарно-автобиографической литературе людей, хорошо знавших Бажова. Жанрологическая составляющая сказов Бажова рассматривается с опорой на работы Б.М. Эйхенбаума, В.В. Виноградова, В.В. Томашевского, В.В. Блажеса, В.И. Михнюкевича, Л.М. Слобожаниновой, Д.В. Жердева, М.А. Литовской, И.Е. Васильева, Т.А. Кругловой. Мифологическая составляющая сказов Бажова с точки зрения литической составляющей и сам геммологический аспект исследования опирается на научные изыскания В.Н. Топорова, М. Элиаде, Х.Э. Керлота, Д. Трессидера, Н. Жюльена, А.Е. Ферсмана, Г. Смита, Б.Ф. Куликова, Р.О. Якобсона, М.П. Никулиной, Е.К. Созиной, Д.В. Жердева, Н.А. Швабауэр, Е.А. Яблокова, Н. Ларионовой, Е.Э. Ивановой. Аурумическая составляющая исследования и тема булатной стали и чугуна анализируются на основе работ В.В. Блажеса, Д.В. Жердева, А. Петрова, Е.А. Пятовой, Е.Е. Приказчиковой, В. Запарий, М. Зуева-Ордынца, М. Златогорова, М. Бальтерманца, Н.М. Шабалиной, И. Таганова, В. Иванова, Н.В. Мосеевой, Л.М. Митрофановой. Эпистолярная составляющая научного доклада исследуется в контексте работ Г.П. Макогоненко, Л.Я. Гинзбург, Г.А. Григорьева, Н.В. Сапожниковой.

Наконец, последним важным направлением, которое развивает диссертация, является проблема культурной самоидентификации Урала через обращение к его историческим брендам, важное место среди которых занимают самоцветные камни и металлы (малахитовая шкатулка, ящерицы, золотые самородки в виде редьки и маленьких лапоточков, Серебряное копытце, каменный цветок, Таюткино зеркальце). Рассмотренные в этом аспекте, сказы Бажова оказываются тесно связанными с проблематикой филологической регионалистики и геоэтики (работы Л.П. Поляковой, Т.В. Пузанковой, Т.В. Ковалевой), моделированием и анализом «уральского текста» русской литературы, изучением которого занимаются в настоящее время В.В. Абашев, Е.К. Созина, К.В. Анисимов, О.В. Зырянов.

Материал исследования: сказы Бажова, написанные в 1930–1940-х гг. («Медной горы Хозяйка» «Малахитовая шкатулка», «Горный мастер», «Серебряное копытце», «Про Великого полоза», «Золотой волос», «Далевое глядельце», «Солнечный камень» «Голубая змейка», «Иванко-крылатко», «Коренная тайность», «Чугунная бабушка» и др.).

Объект исследования: литическая составляющая и мир металлов в сказовом творчестве Бажова 1930–1940-х гг.

Предмет исследования: сказовая символика драгоценных камней и металлов и их роль в становлении и развитии уральской горнозаводской культуры дореволюционной и постреволюционной эпох в сказах Бажова.

Целью исследования является анализ эволюции литической составляющей и мира металлов в сказах Бажова 1930–1940-х гг., связанной с авторским осмыслением путей развития уральской горнозаводской цивилизации дореволюционной и постреволюционной эпох.

Для достижения данной цели решаются следующие **задачи:**

1. Изучить своеобразие «уральского сказа» Бажова в контексте концепции филологической регионалистики и геоэтики на материале эпистоляриев писателя;

2. Проанализировать взгляд Бажова на проблематику жанра сказа, уральское «каменное дело», золотодобычу и металлургию в контексте эпистолярного наследия писателя;

3. Определить аксиологическую составляющую драгоценных камней и металлов в сказовом мире Бажова;

4. Исследовать литическое начало сказов Бажова, включающее в себя как реальные уральские самоцветы (малахит, хризолит, медный изумруд, солнечный камень, орлец), так и чудесные камни, характеризующие счастливое будущее постреволюционного Урала (ключ-камень, камень «далевое глядельце»);

5. Проанализировать аурумическую (от лат. «aurum» – золото) составляющую сказов Бажова с точки зрения «искушения», которому подвергает золото человека;

6. Представить бажовскую интерпретацию культуры булатной стали Златоустовского оружейного завода, неразрывно связанную с попытками ее возрождения, предпринятыми П.П. Аносовым, и воплощающую собой непреходящую патриотическую гордость Урала;

7. Рассмотреть отражение в сказовой культуре Бажова темы художественного (каслинского) литья, судьба которого в постреволюционную эпоху неизменно вызывала внимание и озабоченность писателя.

Методология и методы исследования. В диссертации активно использовались достижения филологической регионалистики, ставящей своей целью рассмотрение литературных произведений, обладающих региональным материалом, в данном случае сказов Бажова, в общем литературно-историческом контексте развития российской словесности XX в. с учетом специфики творческой индивидуальности писателя. При интерпретации сказовой поэтики в исследовании используются методы литературоведческой жанрологии. Важным аспектом работы является мифопоэтический анализ бажовского текста, посвященный литической мифологии и мифологии металлов, прежде всего, золота в творчестве писателя. Рассмотрение магии камня и власти металла в сказах Бажова дается в традициях структурно-системного подхода к материалу, позволяющего учитывать эволюцию этих представлений от сказов 1930-х гг. к сказам 1940-х гг. Эпистолярные Бажова рассматриваются в общем контексте изучения эго-документальной литературы с выходом на элементы биографического и историко-генетического анализов. Влияние системы бажовских образов, связанных с магией камня и властью металла, на культурное развитие Урала изучается с использованием методики культурно-исторического анализа.

Конкретная **научная новизна** данного исследования может быть представлена следующими положениями:

1. В диссертации дается целостный анализ эпистолярного наследия Бажова, посвященного сказам об уральском «каменном деле», металлах и металлургии, включая взгляд писателя на специфику жанровой формы сказа на Урале.

2. В работе представлена системно-целостная типология драгоценных камней дореволюционного прошлого и социалистического настоящего Урала, а также чудесных камней его будущего в сказах Бажова.

3. В исследовании рассматривается проблема отношения уральцев к золоту во всех аурумических сказах Бажова с учетом ее аксиологической составляющей.

4. Златоустовская булатная сталь и тайное мастерство ее выплавки и гравировки в сказах Бажова изучаются как проблемы, связывающие воедино дореволюционное прошлое и социалистическое настоящее Урала.

5. Сказ Бажова «Чугунная бабушка» рассматривается как текст, призванный привлечь общественное внимание к проблемам каслинского художественного чугунного литья, производство которого с началом Великой Отечественной войны было фактически прекращено в связи с переориентацией фабрики на производство более нужных в условиях военного времени вещей, например, мясорубок.

Степень научной достоверности результатов исследования обеспечивается опорой на современные концепции изучения творчества Бажова, многоаспектным анализом репрезентативного материала, включающего в себя сказы писателя и его эпистолярии, а также большое количество эго-документов, принадлежащих людям, хорошо знавшим уральского писателя.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении семантического поля сказов Бажова путем изучения сказовой природы металлов и литической составляющей творчества писателя в целом. Это составляет важнейший аспект горнозаводской культуры Урала XVIII–XX вв. Диссертация представляет значительный интерес для гуманитариев, изучающих геммологическую составляющую российской словесности, включая анализ символики камней в контексте традиций мифопоэтики текста. Анализ сказовой культуры металлов в диахронном аспекте развития горнозаводской цивилизации Урала позволяет в значительной мере расширить представление об «уральском тексте» русской литературы. Результаты работы могут быть использованы в трудах по филологической регионалистике, мифопоэтике, жанрологии, эго-документальному дискурсу российской словесности.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы научного доклада могут быть использованы для уточнения особенностей развития региональной (уральской) словесности XX – XXI вв. Положение и выводы работы могут послужить основой при составлении методических рекомендаций и учебных пособий по изучению русской литературы XX – XXI вв, в частности, творчества Бажова. Они представляют ценный материал для спецкурсов, посвященных сказовому творчеству писателя и для изучения геммологического дискурса российской словесности XX в.

Личный вклад соискателя в настоящее диссертационное сочинение заключается в формулировке целей и задач исследования, определении методик анализа, проведении текстологического исследования, формулировке выводов и перспектив исследования.

Положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Основопологающей чертой сказов Бажова является их уральская составляющая. Особенно отчетливо она проявляет себя в эпистолярной литературе писателя, где поднимаются и обсуждаются важнейшие вопросы, связанные с региональной самоидентификацией Урала.
2. Эпистолярное наследие Бажова является важнейшим материалом для понимания специфики жанровой природы сказов писателя, в котором заключен «идентификационный код» (Н.В. Сапожникова) его личности. В эпистолярном наследии писателя 1940-х гг. находит отражение бажовское понимание жанровой природы горнозаводского сказа, своеобразие его уральского колорита, отношение к нему критиков и исследователей, а также вопросы, связанные с актуальностью и современностью сказовой жанровой формы для литературной ситуации послевоенного времени.
3. Значительное место в эпистолярном наследии писателя занимают размышления об уральском «каменном деле», металлах и металлургии. Рассмотренные в совокупности, размышления писателя позволяют сделать вывод об исключительном внимании и заинтересованности Бажова в фактографической точности своих сказов, а также

прекрасном знании не только дореволюционного, но и современного состояния уральской металлургии, золотодобычи и «каменного дела».

4. Литическая составляющая сказов Бажова позволяет выделить три основных этапа в развитии горнозаводской культуры Урала: дореволюционное прошлое, советское настоящее и советское будущее (коммунизм).

5. Каждому из трех основных этапов в развитии горнозаводской культуры Урала в сказах Бажова соответствует свой литический материал. В качестве камней дореволюционного прошлого Урала в сказах Бажова выступают малахит, медный изумруд и хризолит. Камнями советского настоящего являются солнечный камень и орлец (родонит). Не имеющие большой геммологической ценности, они, в силу своих природных качеств обладают символическими чертами камней советской эпохи. Достаточно вспомнить символику пентаграммы (красной звезды) в орлеце. Наконец, олицетворением коммунистического будущего становятся у Бажова чудесные символические камни: камень «ключ земли», терпеливый камешек, золотоцветень горы. Сила данных камней заключается в способности взаимодействовать исключительно с людьми, обладающими новой коммунистической моралью: полным отсутствием корысти, неумением искать собственную выгоду и стремиться к обогащению. В отличие от двух первых видов камней камни советского будущего практически не соотносятся с реальными уральскими самоцветами, за исключением золотоцветенья горы, являясь абстрактными литическими образованиями, обладающими морально-этической аксиологической составляющей.

6. Каждый этап развития литической культуры горнозаводского Урала способствует актуализации своего типа героя, а для первого этапа еще и антигероя. Так, для дореволюционной эпохи это фигура Мастера, образ которого варьируется от Горного мастера до «земных» мастеров, имеющих различный уровень владения камнем. Что касается антигероев, то в сказах Бажова можно выделить, по крайней мере, четыре их типа: баре и приказчики, вступающие в прямой конфликт с Хозяйкой Медной горы, желая перенести социальные отношения, существующие на Заводе, на горный мир; «лжедобытчики» богатств «каменного царства»; баре, любящие исключительно дорогие камни, для которых их цена является основным критерием отношения к камню. Четвертый тип представляют чужие, не принадлежащие к Заводу и миру уральских камней, но стремящиеся посягнуть на богатство Горы. Для советской эпохи основной фигурой литического мира становится фигура Вождя (В.И. Ленина), ведущего свой народ к счастливому будущему. Наконец, для коммунистической эпохи характерно утопическое видение счастливого будущего, которое является человеку через «далевое глядельце» терпеливого камешка, через сказ о Золотоцветне горы, раскрывающего человеку «Пояс земли», «золотоцветень нового советского Урала».

7. В сказах Бажова присутствует ярко выраженная аурумическая составляющая, связанная с идеей испытания человека золотом. В качестве представителей «тайной силы», олицетворяющей его силу и власть и осуществляющей испытание, выступают Великий Полоз, Змеевка, Огневушка-поскакушка, Голубая змейка. Люди, подверженные проклятию «золотой лихорадки», неизбежно несут наказание за свое поведение (Костька Рыжий в «Змеином следе»). При этом писатель принципиально отказывался признавать старательский «фарт», ведущий к быстрому обогащению человека, в качестве идеала для золотодобытчика, продолжая тем самым, реалистические традиции уральской литературы, например, творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка. В качестве антидота против уральской

«золотой лихорадки», опасность которой неизбежно подстерегает взрослых старателей даже связанных друг с другом узами кровного родства, у Бажова выступают дети, чьи души еще не испорчены жадной золотом (Федюнька в «Огневушке-поскакушке», Ланко Пужанко и Лейко Шапочку в «Голубой змейке»)¹¹.

8. В сказах Бажова, посвященных попытке возрождения на Урале техники выплавки булатной стали и гравировки холодного оружия, изготовленного из нее, булат становится не только символом высочайшего искусства златоустовских мастеров (И. Бушуев – «Иванко-крылатко») и инженеров (П.П. Аносов – «Коренная тайность»). «Тайна» златоустовского булата связывает воедино дореволюционного прошлое и социалистическое настоящее Урала. Эта идея преемственности находит свое отражение в образах Салавата Юлаева («Старых гор подаренье»), получающего булатную шашку из рук «тайной силы», инженера Аносова и «дедушка Шевцова», стремящихся возродить на Урале тайну выплавки настоящего восточного булата. Но только советский человек оказывается в состоянии овладеть тайной булатной стали, символом чего становится изготовления шашки для «первого человека страны» (И.В. Сталина), который, тем самым, возвращает своему народу «старый гор подаренье».

9. Сказ Бажова «Чугунная бабушка» был написан писателем с целью привлечения общественного внимания к каслинскому художественному чугунному литью, знаменитому не только в России, но и во всем мире с 70-х гг. XIX в. Прославляя мастерство В. Торокина, владевшим всем циклом изготовления чугунных скульптур и делающим их миниатюрные копии, П.П. Бажов призывал вернуть каслинскому литью в Советском Союзе ту мировую славу, которое оно имело до революции, в эпоху Парижской всемирной выставки 1900 г.

Апробация результатов исследования

Основные идеи и положения исследования были представлены в качестве доклада на международных и всероссийских научных конференциях: III Международной научно-практической конференции молодых ученых «INITIUM» художественная литература: опыт современного прочтения, 2020; IX Международная научно-практическая конференция молодых ученых «LITTERA TERRA: Проблемы поэтики русской и зарубежной литературы», 2020; IV Международная научно-практическая конференция молодых ученых «INITIUM» художественная литература: опыт современного прочтения, 2021; IX Международная научно-практическая конференция молодых ученых «LITTERA TERRA: Проблемы поэтики русской и зарубежной литературы», 2021; Шестой международный Молодежный конвент УрФУ «Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания», 2022; V Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция молодых ученых INITIUM Художественная литература: опыт современного прочтения, 2022; Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы филологии», 2022.

По теме диссертационного исследования опубликовано 6 научных работ, в том числе 3 статьи в рецензируемых изданиях Перечня ВАК.

¹¹ В какой-то мере уральская «золотая лихорадка» оказывалась более жесткой по отношению к нравственным законам существования общества, чем калифорнийская или клондайкская. В американском варианте на землю, где были обнаружено золото, приходили старатели со всей Америки, при этом не только родственники, но и земляки старались держаться вместе против «чужаков». В классическом уральском варианте, если не считать сказа «Дорогое имячко», речь идет о золоте, разъединяющем и делающем врагами самых близких людей, которые до его обнаружения находились друг с другом в дружеских отношениях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность, представлена степень разработанности темы, формулируется объект и предмет исследования, цели и задачи, указывается теоретико-методологическая основа, теоретическая и практическая значимость работы, ее научная новизна.

Первая глава «Уральский сказ» П.П. Бажова и его основная тематика (на материале эпистолярив писателя) состоит из 4 параграфов и посвящена исследованию жанровой природы сказа с точки зрения писателя и анализу места, которое занимают в его творчестве сказы об уральском «каменном деле» и металлах.

В **параграфе 1.1. «Жанр сказа в русской литературе и в творчестве П.П. Бажова»** рассматривается сложившаяся в литературоведческой практике и в фольклоре интерпретация жанровой природы сказового творчества, а также традиция интерпретации жанра сказа в творчестве Бажова. Отталкиваясь от классических интерпретаций жанра сказа В.В. Виноградовым, Б.М. Эйхенбаумом, В.В. Томашевским, В. Троицким, анализируется взгляд исследователей на сказы Бажова, начиная с 1940-х гг., времени появления первых исследований сказового творчества писателя, до 2000–2020-х гг. В параграфе исследуются точки зрения Л. Скорино, М. Никулиной, В.В. Блажеса, В.А. Михнюкевича, Л. Слобожаниной, И.Е. Васильева, Д.В. Жердева, М.А. Литовской, Г.А. Григорьева, Т.А. Кругловой. Автором диссертации оценивается широкий диапазон оценок сказовой формы Бажова: от Л. Скорино, видящей в ней «самобытное литературное явление, опирающееся на мощную фольклорную основу»¹², до Т.А. Кругловой, обращающей внимание на феномен «уральского сказа», изобретение которого было подготовлено его (Бажова – Я. Ю.) предшествующей деятельностью»¹³. Тем не менее, учитывая общую жанровую неоднородность бажовских сказов, отличающихся друг от друга как по сюжетам, так и по языку, нельзя не признать справедливость точки зрения Д.В. Жердева и М.А. Литовской, что зачастую «само определение “сказ” скорее мешает, чем помогает исследователю»¹⁴.

В **параграфе 1.2. «Уральский сказ» П.П. Бажова в контексте концепции филологической регионалистики и геоэтики** рассматривается проблема жанровой идентификации *уральского* сказа самим писателем с опорой на эпистолярный дискурс его творчества как на образец репрезентативного эго-документа. С точки зрения Н.В. Сапожниковой, эпистолярии являются своеобразной матрицей, которая «служит специфичным функционально-смысловым отражателем личности, ее идентификационным кодом»¹⁵.

Исследование уральской составляющей сказов Бажова хорошо вписывается в контекст научных интересов литературной регионалистики, берущей свое начало в

¹² Скорино Л. Павел Петрович Бажов. М.: Советский писатель, 1947. С. 5.

¹³ Круглова Т.А. П.П. Бажов как советский писатель: проблемы идентификации // П.П. Бажов в меняющемся мире: сборник статей Второй Всероссийской научной конференции с Международным участием, посвященной 135-летию юбилею писателя (Екатеринбург, 13–14 февраля 2014 г.). – Екатеринбург: Объединенный музей писателей Урала, 2014. С. 50.

¹⁴ Жердев Д.В., Литовская М.А. Павел Бажов «Малахитовая шкатулка»: контексты // Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950 / сост. Г.А. Григорьев, Л.С. Григорьева; науч. ред. М.А. Литовская. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 793.

¹⁵ Сапожникова Н.В. «Авторский голос» как элемент эпистолярно-историософской репрезентации личности (на материалах XIX века) // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 34. С. 83.

деятельности двух известных ученых XIX – первой половины XX вв.: Н.К. Пиксанова и Н.П. Анцифорова. В творчестве данных ученых впервые были использованы понятия «культурного гнезда» (Н.К. Пиксанов) и «историко-культурного ландшафта» (Н.П. Анцифоров).

Концепция пиксановских «культурных гнезд», рассматриваемая в свете геопоэтики, нашла отражение в работах Т.В. Ковалевой и Е.Н. Пузанковой¹⁶. Н.П. Анцифоров в начале 20-х гг. XX в. занимался изучением городского пространственного локуса¹⁷. Во многом с учетом литературного опыта Н.П. Анцифорова. Л.П. Полякова ввела термин «филологическая регионалистика»¹⁸, занимающаяся изучением «художественной местнографии» (термин Д.С. Московской). Л.В. Полякова считала, что филологическая регионалистика должна ориентироваться на произведения писателей, «которые в те или иные историко-литературные периоды определяли и определяют ведущие направления в национальном искусстве в целом, служат базово-накопительным художественным капиталом для утверждения традиции или новаторских решений». Сказовое творчество «певца Урала» Бажова в контексте не только уральской, но и российской литературы в целом такой классикой, безусловно, является. Ярким свидетельством литературной продуктивности анализа региональных текстов можно считать безусловный филологический успех «Истории литературы Урала», доведенной в настоящее время до XIX в., где творчеству Бажова в контексте литературы XX столетия будет отведено значительное место.

Известный пермский исследователь В.В. Абашев, определяя специфику уральской геопоэтики, справедливо видел ее своеобразие в том, что «на Урале русскому человеку едва ли не впервые открылись земные недра, их мощь и тайна, и с Уралом в русскую культуру вошла новая модель геопространства, доминирующим началом которой стала не равнинная бескрайность, а темная и неистощимая подземная глубина»¹⁹. Данное «чувство земных глубин», ярко выраженный теллуризм, впервые был зафиксирован в путевых очерках путешествующего по Уралу в 1875 г. Вас. Немирович-Данченко и нашел свое полное воплощение в творчество Бажова.

В параграфе 1.3. «Отражение уральской составляющей сказов П.П. Бажова в эпистолярных письмах писателя» рассматриваются письма, посвященные размышлениям «певца Урала» об уральском колорите своих сказов. Уральский краевед и литературный критик В.П. Лукьянин еще в 2004 г., анализируя изданную в 1955 г. книгу П.П. Бажов «Публицистика. Письма. Дневники», называл ее «увлекательнейшее чтение для человека вопрошающего», где Бажов раскрывается как «глубокий мыслитель и непревзойденный знаток Урала»²⁰. Появление в 2018 г. издания «П.П. Бажов. Письма. 1911–1950», где были представлены 418 писем Бажова, написанных в период с 1911 по 1950 гг., позволили Г.А. Григорьеву сделать вывод, что «эпистолярное наследие писателя представляет собой материал, позволяющий говорить о Бажове как об оригинальном мыслителе»²¹. Особый

¹⁶ Ковалева Т.В., Пузанкова Е.Н. Концепция «культурных гнезд» Н.К. Пиксанова в свете геопоэтики // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3. С. 101–103.

¹⁷ Анцифоров Н.П. Душа Петербурга. – Л.: Агентство «Лири», 1990. 249 с.

¹⁸ Полякова Л.В. Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // Филологическая регионалистика. 2015. № 3–4. С. 7–16.

¹⁹ Абашев В.В., Абашева М.П. Литература и география. Урал в геопоэтике России // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2. С. 146.

²⁰ Лукьянин В. Согласно, но вопреки: П.П. Бажов как «художник социалистического реализма» // Урал. 2004. № 1. С. 77–96.

²¹ Григорьев Г.А. Павел Петрович Бажов и его письма // Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950 / сост.

интерес среди данных писем представляют письма 1940-х гг., адресованные близким Бажову по духу творческим личностям, таким как писатель Е.А. Пермяк, литературовед Л.И. Скорино.

Так, в эпистолярных письмах подробно обсуждалась сказовая природа творчества Бажова и писатель настаивал на формуле ФУТ (фольклор и творчество), которую, вслед за Л.И. Скорино, не разделяют и современные исследователи творчества писателя, например, Д.В. Жердев и М.А. Литовская. Поднимался вопрос о специфике сказовой детали, разъяснялось значение непонятной уральской лексики, связанной с местными реалиями («жабрей», «сочень», «дайки», «салка»). Предметом обсуждения в эпистолярных письмах Бажова становился выбор слов в сказах, их «подходящесть», историческая основа сказов, проблема плана при их написании. При этом «историческая» основа сказов для Бажова была неразрывно связана с XVIII столетием, эпохой создания на Урале первых казенных заводов и открытием первых месторождений руды и драгоценных камней, с временем Акинфия Демидова, императрицы Анны Иоанновны, В.Н. Татищева. Настаивая на историзме сказовой прозы, Бажов писал: «Сказ ведь, знаете, штука ажурная, которая может держаться лишь на очень прочном фундаменте, а не на тумане»²².

Прекрасное знание уральских реалий позволяло писателю подвергать жесткой критике современную историческую прозу, посвященную Уралу, за недостаток документальности и многочисленные фантазии. Критики Бажова не избежала даже трилогия роман Е. Федорова «Каменный пояс», которая до сих пор считается одним из лучших его произведений. Во время жизни Бажова вышли 2 книги трилогии – «Демидовы» (1940) и «Наследники» (1947). Последним сложным вопросом, связанным с бажовскими эпистолярными письмами, был вопрос о современности/несовременности уральского сказового творчества, вызванный к жизни известным Постановлением оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г. В своих письмах Бажов выражает справедливое опасение, что в современную литературную эпоху сказ будет восприниматься как жанр «опресневший», «посказульки из старины». Тем не менее, в условиях, когда полноценная работа писателя с уральским историческим материалом оказалась невозможной, в том числе и из-за почтенного возраста Бажова, о чем он также много писал, именно в сказе он продолжал видеть основную жанровую форму времени, которая могла соединить прошлое старого «седого Урала» к Уралу советскому.

В параграфе 1.4. «Тема «каменного дела» и металлов в эпистолярных П.П. Бажова» рассматриваются письма, посвященные сказам об уральском «каменном деле» и уральской металлургии. Еще в 1940 г., в письме к «уральским ребятам»-пионерам Бажов связывает эпитет «старый» Урал не только с геологической старостью Уральских гор, но и потому, что здесь раньше, чем в других местах Российского государства, «стали добывать из гор железную и медную руду, выламывать мрамор да яшму, искать золото да дорогие камни»²³. Эпистолярные письма писателя показывают, что не только в сказах, но и в реальной жизни Бажов очень заинтересованно относился к уральскому «каменному делу» и гордился его успехами как в прошлом, так и в настоящем, страдая, по его словам, «болезнью живых

Г.А. Григорьев, Л.С. Григорьева; науч. ред. М.А. Литовская. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 659.

²² Бажов П.П. Письма. 1911–1950 / сост. Г.А. Григорьев, Л.С. Григорьева; науч. ред. М.А. Литовская. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 298.

²³ Там же. С. 131.

камней»²⁴. В своих эпистолярных Бажов размышляет о Гумешевском руднике как самом богатом месторождении комкового малахита, дает подробные советы, касающиеся возрождения гранильного и камнерезного дела на Урале, сетует на упадок гранильного дела на Урале в послереволюционные годы и увлечение искусственными камнями, для которых характерен химический способ изготовления. Камнерезное искусство на Урале Бажов советует поднимать, ориентируясь на простые в обработке камни, вроде селенита и ангидрита, допускающие обработку почти столярным инструментом.

Второй специфически «уральской» отраслью производства помимо «горного дела» является у Бажова металлургия, которую он называл «основным уральским производством»²⁵. В письмах Бажов профессионально размышляет о причинах, по которым лишь только Каслинский завод в России может давать высокие образцы художественного чугунного литья, объясняет специфику добычи золота на Березовском руднике и своеобразии разработки на Урале железной руды.

Очень важной для писателя оказывается фактографическая точность сказов, которой Бажов отдавал предпочтение перед документами архивов и литературными источниками. Все это делает эпистолярные Бажова ценнейшим источником для понимания взгляда писателя на уральскую «магию» камня и власть металла.

Во второй главе «П.П. Бажов в поисках идеальных камней Урала» исследуется как драгоценные и чудесные камни Урала отражают три основных этапа в развитии горнозаводской культуры края: дореволюционное прошлое, советское настоящее и советское будущее.

В параграфе 2.1. «Магия драгоценных камней в русской литературе» рассматривается отражение геммалогического начала в русской литературе с эпохи средневековья до I половины XX в.

Изучением магических свойств камней люди занимались с эпохи античности, с работ ученика Аристотеля Титрамаса из Эреса («О камнях»), древнеримского писателя Плиния Старшего и историка Иосифа Флавия. В средневековой Европе большой популярностью пользовался трактат немецкой аббатисы XII в. Хильдегарды фон Бинген «Физика», в котором описывались мистические и лечебные свойства драгоценных камней.

Интерес к магической составляющей камней существовал и в древней Руси. Так, в «Изборнике великого князя Святослава Ярославовича 1073 года» содержится сочинение о 12 камнях нагрудника, где каждый драгоценный камень соответствует одному из сыновей патриарха Иакова в зависимости от свойств их характера. Английский дипломат сэр Джером Горсей, живший в России в 1572–1591 гг., в своих «Записках о Московии XVI века», рассказывая о смерти Иоанна Грозного, подробно описал, как больного каждый день приносили в его сокровищницу, где он объяснял царевичу и боярам свойства дорогих камней и драгоценностей.

Геммалогическая тема заняла важное место в русской литературе с XIX в., с эпохи романтизма, когда российские писатели стали задумываться над мистической природой камней. Особый интерес вызывали камни-талисманы, о свойствах которых писал французский оккультист и мистик Леви Элифас, и опалы, имеющие особую связь с мистикой и потусторонним миром. Опалы появляются в повести Н.М. Мельгунова «Кто же он?» (1831), сказке И. Киреевского «Опал» (1830). За хронологическими рамками эпохи романтизма

²⁴ Бажов П.П. Письма. 1911–1950 / сост. Г.А. Григорьев, Л.С. Григорьева; науч. ред. М.А. Литовская. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 321.

²⁵ Там же. С. 431.

символика камней оказывается задействованной в творчестве А. Куприна: рассказ «Олеся» – красный коралл; «Суламифь» – красный гранат; «Гранатовый браслет» – красные и зеленый гранаты. В эпоху Серебряного века литическая мифология появляется в поэзии поэтов-символистов. Так, у К. Бальмонта в поэтическом сборнике «Жар-птица» каждому из четырех разделов соответствует свой драгоценный камень: изумруд, хризолит, карбункул и горный хрусталь. Объяснение же их геммалогической символики присутствует в его статье «Рубиновые крылья». Впоследствии 2 из 4 мистических камней К. Бальмонта становятся знаковыми в сказовом творчестве Бажова: хризолит и изумруд.

На Урале добывать и обрабатывать драгоценные камни («цветное каменье») стали не раньше второй половины XVII в. после находки, сделанной в 1668 г. рудознатцем Дмитрием Тумашевым на реке Нейве, близ Мурзинской слободы. Находка включала в себя «хрустали белые, фатисы вишневые, юги зеленые и тумпасы желтые». Фатисами в XVII в. называли аметисты, югами – бериллы. Что касается тумпасов, то данный термин использовали для обозначения кварцевых пород камня, включая цитрин и раухтопаз. Академик А.Е. Ферсман считал находку Дмитрия Тумашева началом культуры камня в России²⁶. Промышленная обработка камня в Екатеринбурге была начата в 1747 г., а 8 декабря 1751 г. начала свою работу Императорская екатеринбургская гранильная фабрика.

В русской литературе XX в. уральский «роман с камнем» нашел свое наиболее яркое отражение в творчестве Павла Петровича Бажова.

Тема взаимоотношений человека с камнем является одной из основных в сказах Бажова, начиная со сказов довоенных. К ним относятся такие сказы, как «Медной горы Хозяйка» (1936), «Дорогое имячко» (1936), «Малахитовая шкатулка» (1937), «Каменный цветок» (1937) «Серебряное копытце» (1938), «Горный мастер» (1938). Данная тема дает себя знать и в сказах последних лет жизни писателя, в которых появляются сюжеты и образы, навеянные социалистическими преобразованиями на Урале. Речь идет о таких сказах, как «Далевое глядельце» (1946), «Рудяной перевал» (1947), «Шелковая горка» (1947), «Золотоцветень горы» (1949).

В целом, можно выделить три основных вида камней, которые встречаются в сказах П.П. Бажова.

Во-первых, это уральские камни, олицетворяющие собой дореволюционное прошлое Урала и символизирующие его литический топос. К подобным камням можно отнести малахит, медный изумруд и хризолит.

Во-вторых, это реальные уральские камни, которые становятся у П.П. Бажова олицетворением нового советского Урала и в силу этого получают дополнительные мифопоэтические коннотации (золотистый топаз, родонит, солнечный камень, золотоцветень горы).

В-третьих, это символические камни, которые не имеют непосредственной генетической связи с тем или иным драгоценным камнем, что позволяет им олицетворять счастливое будущее советского Урала, как его видели у П.П. Бажова из дореволюционного прошлого.

В параграфе 2.2. «Камни дореволюционного прошлого Урала (малахит, медный изумруд, хризолит) в сказах П.П. Бажова» доказывается, что именно малахит, медный изумруд, хризолит символизируют литическую власть Уральских гор дореволюционной эпохи.

²⁶ Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. М.: Наука, 1974. 252 с.

На первом месте среди уральских камней по праву находится малахит – «радостный камень и широкой силы»²⁷, как говорят о нем в сказе «Железковы покрывки». Малахит является настоящей гордостью Урала. Своеобразие уральского малахита заключается в его специфическом пестром зеленом окрасе, вызванном высоким содержанием меди. Различные оттенки зеленого цвета часто имеют вид колец и нитей, создавая причудливый рисунок.

Различные поделки и украшения из малахита, часто встречаются в сказах писателя. Это и малахитовая шкатулка (сказы «Медной горы хозяйка», «Малахитовая шкатулка»), и каменный цветок (сказ «Каменный цветок»), и малахитовые бляшки (сказ «Горный мастер»), наконец, малахитовые покрывки (сказ «Железковы покрывки»), олицетворяя собой различные аспекты взаимоотношения человека с тайной силой. Однако не скрывает Бажов и негативной семантики малахита. Данное обстоятельство было связано с тем, что мастера, работающие с малахитом, часто умирали от туберкулеза, который вызывала ядовитая малахитовая пыль. Эта амбивалентная природа камня просматривается во всех «малахитовых» сказах писателя.

Освобождение от негативной семантики образа малахита у Бажова происходит только в сказе 1942 г. «Железковы покрывки». В этом сказе речь уже идет не о природном камне-малахите, находящемся под властью Хозяйки Медной горы, но о малахите, сделанном благодаря искусству Мастера. При этом его практически невозможно отличить от природного малахита, так как сделанные из него покрывки для альбома, подарок царице, выглядят как «вешняя трава под солнышком, когда ветерком ее колышет <...> одним словом, мастерство» (С.23). Эта новая магия камня, по Бажову, была связана как с предчувствием Октябрьской революции 1917 года (действие сказа происходит после революции 1905 года), так и с возросшим мастерством уральских камнерезов, проникнувших в «тайную силу» камня.

Медный изумруд, названный академиком А.Е. Ферсманом «славой и гордостью Урала»²⁸, встречается у П.П. Бажова сразу в двух сказах: «Медной горы Хозяйка» и «Сочневы камешки». По справедливому мнению, высказанному О.И. Гамали и О.Б. Каневской, «медный изумруд, символизируя абсолютную власть каменной силы, является воплощением тайного богатства гор, недоступного простым смертным»²⁹.

В сказе «Медной горы Хозяйка» медный изумруд – это слезы Хозяйки, которые она, отпуская Степана к его невесте Настасье, дает ему в качестве прощального дара вместе с малахитовой шкатулкой. Они символизируют собой особые, человеческие, отношения между Хозяйкой и Степаном. После смерти Степана люди видят над его телом большую зеленую ящерку, «голову подняла, а слезы у ей так и капают» (С.36). Слезы Хозяйки-ящерки, которыми она просталась с умирающим Степаном, рассыпаются в прах при попытке достать их из его руки. В данном случае Бажов очень точно передал минералогические качества диоптаза, прежде всего, его спайность – способность кристаллов раскалываться или расщепляться по определенным кристаллографическим направлениям, наполнив данное качество камня глубокой сказовой символикой.

Противоположностью медного изумруда как камня мистически-трагического, не приносящего человеку богатства и счастья, выступает у Бажова шлак, «соковина дорожная»,

²⁷ Все сказы П.П. Бажова, кроме сказа «Золотоцветень горы», цитируются по изданию: Бажов П.П. Малахитовая шкатулка: научное издание. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 398.

²⁸ Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. М.: Наука, 1974. С. 23.

²⁹ Гамали О.И., О.Б. Каневская «Каменные образы» в индивидуально-авторской картине мира П.П. Бажова // Русская филология. 2016. № 2. С. 32.

из которой Митюнька, сын Данилы-мастера, делает свою «хрупкую веточку», превращая ее в настоящее произведение искусства («Хрупкая веточка»).

В этом сказе Бажов четко противопоставляет два вида камнерезного искусства, два отношения к камню, которые воплощают собой Данила и Митюха, отец и сын. Для Данилы-мастера речь об идеальном камне для своего цветка даже не стоит: он знает, что это будет малахит, хотя физически это невозможно в силу пористой, с многочисленными примесями природы камня, что делает сам его замысел утопическим. Митюха же считает, что каждая «каменная ягода» требует своего камня, то есть нет такого идеального камня, из которого можно было бы выточить любую «каменную ягоду», олицетворяющую собой принцип абсолютной красоты. В этом отношении он более реалистический мастер, чем его отец. При этом нельзя забывать и такой аспект: сама по себе соковина дорожная не является камнем, представляя собой пример металлургического шлака – материала, получаемого при выплавке руд металлов. Таким образом, перед нами образец «рукотворного» камня, противопоставленного в сказе как «зловещей» красоте малахита, так и мистически-трагической природе диоптаза («медного изумруда»).

Третьим камнем, символизирующим собой литическую власть Уральских гор, является у Бажова хризолит – минерал из группы оливина (перидота). Английский минеролог Г. Смит подчеркивал, что долгое время термин «хризолит» употреблялся для обозначения зеленых гранатов, найденных на Урале. Г. Смит объясняет эту путаницу в названиях тем, что в XIX в., благодаря присутствию на рынке большого количества не слишком привлекательных желтовато-красных гранатов, добываемых в Богемии, гранат фактически начал рассматриваться как «золушка» среди драгоценных камней. Именно поэтому «зеленые гранаты с Урала получили...более привлекательные, но, конечно, совершенно неправильные названия...«уральские изумруды», или «хризолиты»³⁰.

В отличие от малахита и медного изумруда хризолит встречается в сказах «детского тона», к которым принадлежат «Огневушка-поскакушка» и «Серебряное копытце». При этом в дореволюционную эпоху добывать хризолит для себя и на продажу рабочим запрещалось. Б. Рябинин, описывая поездки с Бажовым по Уралу летом 1939 г., включает в свой рассказ воспоминания старых старателей о хризолитовых приисках близ Полдневой, едва ли не единственных на Урале строго охраняемых лесниками: «Изобьют до крови. Телеги, снасть изрубят. Почитай, все село пересидело в тюрьме (в тюрьме – Я. Ю.) за хризолит»³¹.

Хризолит из-за его красоты часто называли «вечерним изумрудом». Но если медный изумруд в сказах Бажова часто олицетворял трагическое начало, «слезы Хозяйки Медной горы», «вечерний изумруд» – хризолит, безусловно, начало позитивное. По мнению О.И. Гамали и О.Б. Каневской, «хризолит в сказах П.П. Бажова приобретает символические значения: духовный дар, радость, красота, детство, древность, непостоянство, временность»³².

Детство же в сказах Бажова часто неразрывно связано с понятием сиротства. Е.В. Харитоновна отмечала, что «образ сироты в сказах П.П. Бажова относится к числу постоянных»³³. Как следствие, «тайная сила» в сказах «детского тона» компенсирует

³⁰ Смит Г. Драгоценные камни. – М.: «Мир», 1984. С. 334.

³¹ Рябинин Б. По следам легенды // Мастер. Мудрец. Сказочник. Воспоминания о П. Бажове. – М.: Советский писатель, 1978. С. 288.

³² Гамали О.И., Каневская О.Б., «Каменные образы» в индивидуально-авторской картине мира П.П. Бажова // Русская филология. 2016. № 2. С. 33.

³³ Харитоновна Е.В. Репрезентация русской ментальности в сказах П.П. Бажова : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2004. С. 20.

детям-сиротам их социальную ущербность, как это происходит, например, в сказе «Серебряное копытце».

Можно вспомнить, что Бажов планировал изменить финал сказа, превратив полшапки драгоценных камней в более увесистый сундучок, который наполняется самоцветами перед тем, как у Коковани и Даренки остается последний камешек. Однако благодаря такому финалу, во-первых, снижалась ценность первого «дара», дара Серебряного копытца. Во-вторых, и это главное, «духовный дар» заменяется даром материальным, а у Бажова, даже по отношению к сиротам, например, к Даренке, камни никогда не становятся источником обогащения.

В последний раз образ хризолитов появится у Бажова в сказе «Золотоцветень горы» 1949 г., в котором рассказчик, старик Сидор Васильевич Климин, рассказывает о своей жизни, радуясь, что дожил до времени, когда сбылся старый поисковый сказ о золотоцветене горы. Однако поскольку в данном сказе в большей степени реализуется образ социалистического будущего Урала, мы рассмотрим его в следующем параграфе.

Важное место в «каменном мире» сказов Бажова занимают отрицательные герои, которые не понимают высокую магию камня и оказываются недостойными владеть самоцветами уральских гор. Большинство таких героев вступает в прямой конфликт с Хозяйкой Медной горы и видит в уральских самоцветах лишь средство обогащения и наживы.

В сказовом мире писателя можно выделить, по крайней мере, 4 категории отрицательных героев в их отношении к камню и «каменной» силе Уральских гор.

К *первой* категории принадлежат баре и приказчики, которые вступают в прямой конфликт с Хозяйкой и ее Горой, желая перенести социальные отношения, существующие на Заводе, на горный мир. К подобным антигероям можно отнести Северьяна-убойцу из сказа «Приказчиковы подошвы» и Заграничную барыню из «Таюткина зеркала». Их объединяет намеренное нарушение неписанных законов пребывания человека в Горе: запрет бить плетью людей в забое, то есть в царстве Малахитницы, запрет женскому полу спускаться в шахту. Северьян-убойца усугубляет свое положение тем, что, невзирая на два предупреждения Хозяйки, решается на прямое противостояние с ней, стреляя в нее из пистолета. Заграничная барыня не просто спускается в шахту, но ведет там себя как Хозяйка, приказав вырезать из горы «каменную чашу – зеркало» и доставить себе в поместье. Неудивительно, что антигероя несут у Бажова самое суровое наказание: приказчик Северьян врос в малахитовую глыбу, превратившись в ней в «пустую породу», а Заграничная барыня хоть и осталась жива, но понесла самое страшное для женщины наказание: «с той поры всё дураков рожала. И не то что недоумков каких, а полных дураков» (С. 364).

Вторая категория отрицательных героев «каменного царства» может быть охарактеризована как «лжедобытчики». Их основными отрицательными качествами становятся алчность и стремление при помощи дорогих уральских камней не только поправить свое материальное положение, но и повысить свой социальный статус в обществе. К подобным героям сказов можно отнести Ваньку Сочня из «Сочневых камешков», Яшку Зорко Облезлого из «Травяной западенки», Кузьку Двоерылко из «Синюшкина колодца». Всех этих героев Бажова объединяет одна черта: одно время они пытались работать в горе или на прииске, но отсутствие высоких моральных качеств и желание разбогатеть любой ценой быстро сделали их маргиналами в рабочей среде, заставив стать или «вориной», думающим лишь о том, как «чужое в свой карман прибрать» как Кузька-Двоерылко (С. 268),

или «нюхалкой-наушником промеж старателей» (С. 37) как Ванька Сочень, или турчаниновским щегарем как Яшка Зорко.

Ванька Сочень пытается завладеть медным изумрудом, то есть повторить путь Степана из сказа «Медной горы Хозяйка», Яшка Зорко мечтает о малахитовой травяной западенке, Кузька-Двоерылко, неудавшийся старатель, хочет хитростью овладеть богатством бабки Синюшки, превзойдя в этом бесхитростного и честного Илью.

Третья категория антигероев у Бажова – это баре, любящие только дорогие камни и умеющие понимать их красоту. К подобным героям можно отнести старого барина «Хрупкой веточки» и молодого Турчанинова из «Малахитовой шкатулки».

Старый барин ищет «каменные подарки» на свадьбу своей дочери. «Хрупкая веточка» из змеевика и шлака, сделанная Митюхой по совету и при помощи Хозяйки Медной горы вначале нравится ему. Но затем он начинает мерять ее стоимость привычными категориями оценки драгоценных камней, что приводит к его публичному посрамлению, избиению собственной тростью.

В случае с Турчаниновым посрамление героя происходит из-за нарушения им обещаний, данных Танюшке (стыдится ее мнимо бедного вида, показывает ее царице вместо того, чтобы показать царицу ей). После ухода Танюшки в гору единственным утешением и одновременно напоминанием о позоре для героя становится простая пуговка из бутылочного стекла, в которой он видит зеленоглазую красавицу в малахитовом платье.

Наконец, к *четвертой* категории антигероев относятся Чужие, люди изначально не принадлежащие к заводу, то есть не находящиеся под властью «Каменного пояса» и «каменной силы Урала». Их попытки посягнуть на «малахитовое богатство», как правило, не сопровождаются серьезным наказанием. Так, хитник из «Малахитовой шкатулки», стремящийся похитить шкатулку, отделяется мгновенным ослеплением, когда он увидел юную Танюшку в камнях из Малахитовой шкатулки. Еще один «чужак» в каменном мире сказов Бажова: французский ювелир из «Железковых покрышек», который хочет узнать у русского мастера Евлахи тайну малахитовых покрышек, предлагая за это большие деньги, но не несет никакого наказания за свое любопытство.

Камни, о которых шла речь в этом параграфе, характеризуют дореволюционное прошлое горнозаводского Урала. Сказы о них создавались большей частью в 1930-е гг. Магия этих камней направлена, главным образом, на то, чтобы облегчить жизнь конкретного человека, выстроив его правильные отношения с «Тайной силой» В 1940-е гг. на смену таким сказам у Бажова приходят литические сказы, где в центре внимания писателя оказываются отношения человека не с Тайной силой, но обществом, историческим будущим и Вождем, олицетворением которого выступает В.И. Ленин.

В параграфе **2.3. «Уральские камни советского настоящего (золотистый топаз, родонит, солнечный камень, золотоцветень горы) и будущего (камень ключ земли; терпеливый камешек)»** мы рассматриваем камни нового советского Урала.

В послевоенном творчестве писателя именно литическое начало позволяет расширить читательское представление и об идейной составляющей сказов, и о мифопоэтическом начале сказового творчества писателя. В это время на смену самоцветам «старого Урала» приходят солнечный камень, родонит, золотоцветень горы нового советского Урала.

В сказах «полевского цикла» «тайная сила» ассоциировалась, главным образом, с Хозяйкой Медной горы. В послевоенных сказах она все чаще начинает отождествляться с вождями советской эпохи, ведущими свой народ в счастливое будущее. Именно им открываются все тайны «самоцветной полосы». Наиболее ярко новая установка проявляет

себя у писателя в сказах о Ленине («Солнечный камень», «Богатырева рукавица», «Орлиное перо»), созданных во время Великой Отечественной войны. «Солнечный камень» был опубликован Бажовым в 1942 г., «Богатырева рукавица» – в 1944 г., «Орлиное перо» – в 1945 г. Эти сказы объединяет не только тема В.И. Ленина – человека, который повел российский народ «верной дорогой». В них присутствует активный поиск новых камней, олицетворяющих собой советскую эпоху.

При этом только в «Богатыревой рукавице» земельные богатства Урала ассоциируются с традиционными драгоценными камнями, имеющими достаточно большую цену: изумрудом и топазом. В «Солнечном Камне» и «Орлином перо» Бажов для характеристики советской жизни Урала выбирает камни, не имеющие высокой стоимости, но обладающие литическими характеристиками, позволяющими им стать символами счастливого настоящего. Так, солнечный камень, гелиолит, характеризуется Лениным как нужный, так как «веселее с ним жить» (С.371). Камень в сказе символизировал союз степи и гор (ходаки к Ленину в сказе – русский горщик Вахоня и башкир Садык), что было важно для многонационального края. Месторождения солнечного камня находятся на Южном Урале (Потанины и Вишневые горы).

Солнечный камень в сказе получает право олицетворять новую советскую действительность, так как, принадлежа к группе полевых шпатов, не обладает высокой минералогической ценностью, но при этом обладает свойством самосвечения, «благодаря отражению от кристалликов железистых минералов (гематита или гетита), рассеянных в кристалле хозяине»³⁴. Это необычное для камня качество и было использовано Бажовым для создания геммологической картины нового Урала.

Что касается «орлеца» (родонита – «рубинового шпата») из сказа «Орлиное перо», то его добывали близ Екатеринбурга на Урале на Малоседельниковском месторождении с середины XVIII века. При этом до начала XX века уральское месторождение родонита считалось единственным на планете. С.М. Николаев пишет, что этот камень «пробуждает в человеке скрытые таланты, творческие порывы, развивает любовь к искусству и ко всему прекрасному»³⁵.

Известный уральский лингвист Е.Л. Березович подчеркивала востребованность орлеца в качестве поделочного камня в дореволюционной России³⁶. Но в 1930-е гг., когда Бажов писал свои сказы, академик А.Е. Ферсман, описывая самоцветы России, называл орлец «замечательным алым камнем, недостаточно оцененным нашим декоративным и оградочным искусством»³⁷. Е.Л. Березович предполагает, что данная оценка была связана с начавшимся спадом добычи орлеца после революции 1917 г. Если принять эту точку зрения, то «Орлиное перо» Бажова – попытка вернуть орлецу его былую славу, основываясь, в том числе, на символических свойствах камня.

Необыкновенная красота уральского родонита была связана со спецификой его залегания: «Месторождение находится в низах коры выветривания, и по трещинам марганцевые минералы переходят в черные и темно-бурые окислы марганца. Все эти цветовые различия придают неповторимую прелесть уральскому орлецу», где каждое

³⁴ Смит Г. Драгоценные камни. – М.: «Мир», 1984. С. 394.

³⁵ Николаев С.М. Камни: мифы, легенды, суеверия. – Новосибирск: Наука: Сибирская изд. фирма, 1995. С. 235.

³⁶ Березович Е. Геммонимическая лексика в свете подхода “Wörter und Sachen”: к происхождению русского орлец «родонит» // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 115–143

³⁷ Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. – СПб.: Левша. Санкт-Петербург, 2014. С. 71.

изделие «совершенно неповторимо и имеет свой особый узор»³⁸. Эта особенность родонита позволила Бажову сделать его символом третьего орлиного, самого высокого, уровня человеческой жизни, когда жизнь человека оказывается посвященной борьбе за счастье других людей.

Помимо реальных уральских самоцветов в сказах Бажова присутствуют и символические чудесные камни, олицетворяющие собой не просто новую советскую жизнь, но коммунистический идеал бытия, наполненный утопическим пафосом.

Таких камней в сказах Бажова три: камень ключ земли из одноименного сказа 1940 г., терпеливый камешек из сказа «Далевое глядельце» 1946 г. и золотоцветень горы из одноименного сказа 1949 г.

В литической составляющей «Ключа земли» дорогими драгоценными самоцветами люди награждаются за свои нравственно-этические качества и удачу в поиске камней (простота, терпение, удалство, счастливый глазок). Другое дело камень – ключ земли (первоначально Бажов хотел назвать сказ «Ключ камень»). Данным посредником в сказе является девочка Васёнка. Именно перед ней появляется на каменном столе «камень-одинец», имеющий форму пентаграммы, что соответствует символике красной звезды.

Именно появление этого камня рождает у героини сказа видение «золотого века», которое можно ассоциировать с коммунистическим идеалом будущего: «И людей появилось много-много. Да все веселые. Кто будто и с работы идет, а тоже песню поет» (С.287). На вопрос Васенки, кому предназначен этот камешек, она слышит ответ вполне в духе социальной утопии: «тому, кто верной дорогой народ поведет. Этим ключом-камнем человек землю отворит, и тогда будет, как сейчас видела» (С.287).

В сказе «Далевое глядельце» создается литический миф о терпеливом камешке, позволяющем увидеть «глядельце», где сходятся все пласты горы. «Глядельце» открывается лишь тому, «кто себе выгоды не ждет, а хочет посмотреть красоту горы и народу сказать, что где полезное лежит» (С.622). При этом, как и в случае с «Ключ камнем», «терпеливый камешек» Бажова не похож ни на один из реальных камней, образующих «самоцветную полосу Урала». Он – предельно символичен и абстрактен. Горщик Яша Кочеток так характеризует: «А какой он этот камешок цветом: голубой ли зелёный, малиновый ли красный, — это неведомо. Одно помнить надо, чтоб его какой своей корыстью не замутишь» (С.622).

Образ камня «золотоцветень горы» логически завершает тему чудесных камней советской эпохи. Сказ об этом камне – самом большом хризолите Пояса Земли – рассказывает советский старик 1940-х гг., бывший горщик Сидор Климин. Однако подлинным творцом мифа выступает его учитель в горном деле, «чертознай» Кирило Федотыч. По его мнению, «перед ним (камнем «золотоцветень горы» – Я. Ю.) все камни, какие из земли добыты, не дороже песку, а то и золы»³⁹. Сила камня в сказе Бажова заключается в том, что перед человеком, который «усмотрит этот камень, Пояс земли раскроется»⁴⁰. Но, так же как и в случае с «терпеливым камешком», камень «золотоцветень горы» открывается лишь тому, кто, работая в горе, не преследует цель личного обогащения,

³⁸ Смит Г. Драгоценные камни. – М.: «Мир», 1984. С. 469.

³⁹ Бажов П.П. Собрание сочинений в трех томах. Том второй. М.: Государственное Издательство художественной литературы, 1952. С. 41.

⁴⁰ Бажов П.П. Собрание сочинений в трех томах. Том второй. М.: Государственное Издательство художественной литературы, 1952. С. 41.

чтобы его глаз «никакой корыстью не замутился, не для себя выискивал, а для всего народа»⁴¹.

Важным отличием финала сказа «Золотоцветень горы» от финала сказа «Далевое глядельце» является имя будущего хозяина литических богатств Урала. В «Далевом глядельце» это богатство открывается всякому советскому человеку, который откажется от мелкособственнической морали и будет воспитывать в себе коммунистический идеал личности. «Золотоцветень горы» продолжает традицию сказов о В.И. Ленине, сказов о вожде. Только вместо В.И. Ленина у гор Урала появляется новый хозяин – И.В. Сталин, которому в 1949 г. как раз исполнилось 70 лет, поэтому данный сказ можно считать юбилейным.

О многом говорит тот факт, что Бажов дает своему чудесному камню старательское имя хризолитов - золотоцветняков. «Веселый камешек» хризолит в сказах Бажова становится символом новой советской эпохи старого заводского Урала, уже не обремененной памятью о власти над камнем и человеком «тайных сил».

Третья глава «Власть металла в сказах П.П. Бажова» посвящена анализу власти трех видов металла над человеком в уральской культуре: золото, сталь, чугун.

В параграфе 3.1. «Испытание золотом в сказах П.П. Бажова» на материале сказов «Дорогое имячко», «Про Великого Полоза», «Змеиный след», «Золотой волос», «Огневушка-поскакушка», «Жабреев ходок», «Золотые дайки», «Голубая змейка» анализу подвергается аксиологическая составляющая аурумической тематики сказов. Данная тематика отражает не только специфику мировоззрения писателя, в отличие от писателей – предшественников, работающих с данной темой (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, К. Бальмонт, Д.Н. Мамин-Сибиряк), но и своеобразие уральской горнозаводской ментальности. И все же ярче всего тема золота, и, прежде всего, испытание золотом отражается в сказах Бажова.

В аурумических сказах Бажова присутствует большое количество мифологических персонажей, олицетворяющих собой силу и власть золота, являющихся как хранителями золота, так и его дарителями, как Азовка-девка, Великий Полоз, Змеевка, змей Дайко, Огневушка-Поскакушка, муравьи, Голубая Змейка.

В сказе «Золотое имячко» старые люди Урала олицетворяют собой счастливую эпоху «золотого века», когда человек еще не знал подлинной цены золота, использовал золотые слитки для охоты на диких зверей. Этот «золотой век» заканчивается вместе с эпохой завоевания Сибири Ермаком, вместе с войском которого на Урал приходит много «худых людишек», жадных до местного золота. В сказе подробно описываются симптомы «золотой лихорадки», ко времени Бажова уже хорошо известной на примерах калифорнийской и аляскинской. Утопический дискурс сказа заключается в предсказании, которое дает «мудреный человек» из Соликамска перед своей смертью. В «Дорогом имячке» мистическая связь человека и золота только намечается, а девка-Азовка еще не выступает в роли активной хранительницы золота, являясь в большей степени страдательным персонажем. Схожая функция наблюдается у «Хозяйки золота» из сказа «Золотой волос», основанного на башкирском фольклоре, власть которой над золотом Д.В. Жердев характеризует как созидательную, но пассивную⁴². Но, так же как и в «Дорогом имячке», ее возлюбленный, охотник Айлып, выступает в образе человека, свободного от искушения золотом.

Носителем закона аурумической справедливости у Бажова становится Великий Полоз, (сказ «Про великого полоза»), о котором рассказывает старый солдат чертознай Семеныч:

⁴¹ Там же.

⁴² Жердев Д.В. Символика золота в сказах П.П. Бажова // Из истории уральского золота: К 250-летию открытия золота на Урале и основания города Березовского. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. С. 93.

«Не любит, вишь он, чтобы около золота обман да мошенство были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял» (С.47). Наградив по просьбе чертозная Семёныча детей рудокопа Левонтия, потерявшего здоровье в горе, Полоз, тем не менее, выражает сомнение, что никто из них в дальнейшем не будет подвержен «золотой лихорадке». Так и происходит впоследствии в сказе «Змеиный след», где «тонкогубик» Костька Рыжий, охваченный «золотой лихорадкой», фактически отказывается от своего старшего брата, доброго и безответного Пантелея, отказавшись выкупать его из крепостной неволи. В результате, не пройдя испытание золотом, Костька гибнет из-за своей жадности, наказанный дочерью Великого полоза Змеевкой. Однако и награжденный Змеевкой Пантелей решает в дальнейшем не искать старательский фарт, но, выкупившись на волю, оставить занятия «золотишком». Именно в этом сказе Бажов через чертозная Семёныча доводит до читателя мораль старателей, позволяющую им выжить в опасном мире, где людей обуревают «золотая лихорадка», спастись от которой может только человек с высокими нравственными устоями.

Еще одним хранителем золота выступает у Бажова золотой змей Дайкоиз сказа «Золотые дайки», посвященного Березовскому месторождению золота. В отличие от Великого Полоза и Змеевки, он не воспринимается в сказе как реально существующая «тайная сила». Тем не менее, вера в него Вавило Звонца, незavidного мужичонки, мечтающего поймать старательский фарт, помогает впоследствии его жене Глафире и ее новому избраннику Перфилю обнаружить поперечную жилку золота и счастливо прожить свой век. В соответствии с народной этикой главным богатством их семьи были не «золотые дайки», а много здоровые и красивые рябятишки, сделавшие впоследствии «завязку» Березовскому заводу.

Людьми, которые в меньшей степени оказываются подвержены власти золота, оказываются в мире Бажова дети. В сказе «Жабреев ходок», который «можно охарактеризовать как бажовское прочтение геродотовского мифа о фантастических муравьях, добывающих золото в Рифейских (Уральских) горах»⁴³, таким подростком оказывается мальчик-сирота Дениска. Дениска вначале преодолевает искушение старателя Никиты Жабрея, открывшего тайну «муравьиного золота», прототипом которого у Бажова послужил купец Аржанников из Старопышминска. Затем, после убийства Жабрея жадным купцом, он выступает в роли мстителя за смерть человека, захотевшего поступить с сиротой по-доброму, вознаградить его за чистую душу и свободное от корысти сердце. В конечном счете, в соответствии с аурумической этикой довольства малым, он берет себе лишь один золотой лапоток.

Единственными сказами о золоте, в которых полностью отсутствует проклятие «золотой лихорадки» и в которых можно говорить о счастливом финале, являются у Бажова сказы, где богатство достается детям. Их души еще не испорчены жадной жадностью золота, которое достается им в награду за отсутствие корысти.

Первым подобным сказом является сказ «Огневушка-поскакушка», относящийся к сказам «детского тона», по классификации писателя. Детское любопытство главного героя сказа, 8-летнего сироты Федюньки, его не замутненный жадной наживы взгляд, позволяет герою установить контакт с «тайной силой» золота, залегающего в земле «редькой» и носящей имя Поскакушки. Три раза показавшись Федюньке, Поскакушка награждает его шестью золотыми «таракашками» на чудесной лопатке, выведшей его из леса. Впоследствии

⁴³ Приказчикова Е.Е. «Жабреев ходок», сказ // Бажовская энциклопедия, Екатеринбург: изд-во «Сократ», изд-во Уральского университета, 2007. С. 130.

Федюнька и воспитывающий его дед Ефим находят золото у старой лесной березы, что позволяет им пожить в достатке «годов с пяток». С точки зрения писателя, именно такой умеренный достаток, не дающий возможности человеку развратиться и заболеть «золотой лихорадкой», является самым справедливым вознаграждением за отсутствие жадности и корысти.

Самым оптимистическим по духу аурумическим сказом является сказ «Голубая змейка», также относящийся к сказам «детского тона». На примере судьбы двух заводских мальчишек Ланко Пужанко и Лейко Шапочки и их отношений с Голубой змейкой Бажов описывает лучший способ преодоления искушения золотом. Это верная дружба и умение пожелать доброе другому человеку. Голубая змейка дарит мальчикам по две золотые плиточки и по маленькому кожаному кошельку с золотым песком с наказом: «Если большие станут спрашивать, где взяли, скажите прямо: “Голубая змейка дала да больше ходить за этим не велела”» (С.519). Как и в «Серебряном копытце», Бажов отказывается от сказочного финала, когда каждый из мальчиков тянет домой волоком большие кошельки с золотом. Подобный финал явно нарушал бы принцип «умеренного достатка», провозглашенный писателем в других аурумических сказках. Можно предположить, что в данном случае отразилась не только специфика мироощущения писателя, но и своеобразие горнозаводской уральской ментальности с ее памятью о «диком золоте», зафиксированной в многочисленных уральских сказаниях о золоте и в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка.

В параграфе 3.2. «Булатная сталь Урала в сказках П.П. Бажова» писатель обращается к теме к теме легендарного холодного оружия Востока, стального булата. Основной особенностью булатной стали является то, что это не сварная (как в случае с дамасской сталью), но литая сталь, изготавливаемая в тигеле, сосуде для плавки металлов, способном выдерживать очень высокую температуру, задаваемую в четко заданных границах.

Образ булата впервые появился в русской литературе в XVI в. в «Хождении за три моря» А. Никитина. Впоследствии культурная мифология булатного клинка находила свое отражение у В. Скотта (роман «Талисман») и у М.Ю. Лермонтова («Поэт»).

Внешне булат отличается от других видов стали своим характерным узором, четко проступающем на более темном фоне. И. Таганов, В. Иванов, А. Негаев выделяют шесть основных видов булата в зависимости от имеющихся на них «булатных» узоров. Во-первых, это *кристаллический*, или *зернистый* булат; во-вторых, *пятнистый*, или *кранчатый* булат; в-третьих, это *полосчатый* булат; в-четвертых, *волнистый* булат; в-пятых, это *сетчатый* булат; в-шестых, *черный* булат⁴⁴.

К XIX в. секрет изготовления настоящей булатной стали был повсеместно утерян. Возродить легендарное оружие древности взялся русский ученый-металлург П.П. Аносов на Златоустовской оружейной фабрике. Среди настоящих, «узорчатых», булатов Аносов отдавал пальму первенства табану, кара-табану, кара-хорасану, то есть сетчатым и черным булатам, считая худшим булатом шам, имеющим продольные узоры, то есть булат полосчатый по классификации И. Таганова. Уральские златоустовские булаты получили название «аносовские булаты». Именно этим булатам и посвящены три южноуральских сказа Бажова: «Старых гор подаренье» (1946), «Иванко-крылатко» (1942) и «Коренная тайность» (1945).

⁴⁴ Таганов И., Иванов В., Негаев А. Загадка узоров булата // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2007. № 4. С. 87–91.

В сказе «Старых гор подаренье» мастер рассказывает легенду о волшебной шашке Салавата Юлаева, полученной им от «тайной силы», рабочим завода, готовившим булатное оружие в подарок «первому человеку страны», имя которого в 1946 г. можно было не называть.

Противопоставление прошлого и настоящего проявляет себя тот, что Салават, запятнавший себя уничтожением казенного завода и двух русских сел, вынужден был вернуть свою шашку, переставшую «пускать молнии» «в гору», в то время как вождь (И.В. Сталин – Я. Ю.), великий народный герой современности, получает «старых гор подаренье» навеки. Молнии этой булатной шашки – огненные стрелы, сошедшиеся в круг над самым большим нашим городом, то есть Москвой.

Во втором бажовском сказе о булатной стали, «Иванко-крылатко», действие происходит в первую треть XIX в., в эпоху становления златоустовского завода. В нем Бажов вводит в уральскую горнозаводскую жизнь европейский контекст, противопоставив два вида мастерства, связанные с гравировкой булатной стали. Мастер Штоф символизирует собой немецкую дотошность и скрупулезность при реалистическом изображении Пегаса. Тем не менее, его русский оппонент, уральский мастер Иванко-крылатко (реальный И. Бушуев, с 1823 г. – старший мастер фабрики, отвечающий за украшение холодного оружия), побеждает своего соперника талантом и широтой души.

Именно Иван Бушуев довел до совершенства практику украшения холодного оружия, которую можно обозначить как «золочение через огонь», добившись, тем самым, максимально прочного соединения золота и стали. В конечном счете, именно этот тип золочения, с использованием паров ртути, свел его в могилу в достаточно молодом 36-летнем возрасте. Однако выдумка и вдохновение Иванко-крылатки, помноженные на правду жизни, позволили ему найти идеальный рисунок для сетчатого булата: приделать крылышки коням, изобразив их на «полном бегу» у которых коронка «назад напрочапилась, как башкир на лошади, когда на весь мах гонит» (С.379). Не удивительно, что раскритикованная немецкими мастерами сабля Иванко, находит восторженное признание у казацкого генерала кутузовской школы, который приезжает в Златоуст с «царским поездом».

В сказе «Коренная тайность» Бажов продолжает тему соперничества с немцами, опровергая представление о том, что именно от них в Россию пришло знание тайны булата. Честь изготовления уральских булатных клинков он всецело приписывает «инженеру Аносову», который в 1837 г. сумел изготовить первый клинок их булатной стали, не уступающий по качеству лучшим образцам сетчатых восточных булатов каратабан и хоросан. В 1841 г., с появлением в печати труда Аносова «О булатах», передовая общественность России широко заговорила об его открытии.

Тем не менее, Аносову не присудили демидовскую премию, так как он не смог в своем труде описать полный процесс производства булата. Причина этого, по Бажову, заключалась в том, что в данном случае не учитывался технический опыт рабочих-мастеров, который символизирует в сказе старый сталевар «дедушка Швецов». У Бажова он подсыпает в каждую плавку булатной стали камешки, взятые из заветного сундучка. Впоследствии его внук, владеющий «коренной тайностью» булата, унесет ее с собой в могилу, так как ему не довелось дожить до установления народной Советской власти. В результате «коренная тайность» изготовления златоустовского булата была утеряна в начале XX в. В реальной, не сказовой действительности, «старик» Николай Швецов передал свою «тайну» не внуку, а сыну Павлу, который в 1906 г. продал рецепт приготовления булата дирекции Златоустовского завода, однако, выплавить по ним булатную сталь оказалось невозможно.

Можно предположить, что настоящий секрет булата мастер предпочел унести с собой в могилу.

Златоустовский булат у писателя соединяет собой воедино дореволюционное прошлое и социалистическое настоящее Урала, так как в «Коренной тайности» Бажов выражает надежду, что советский человек все же овладеет тайной булатной стали.

В параграфе 3.3. «Чугун и каслинское художественное литье в мире сказов П.П. Бажова» прославляется чугунное художественное литье, получившее распространение в Каслях с 30-х гг. XIX в. Если в 1866 г. Каслинский завод давал 27331 пуд художественного литья, то уже в 1873 г. – 60815 пудов. Настоящий триумф каслинского литья состоялся на Парижской всемирной выставке 1900 г., где демонстрировались чугунные диковинки Урала: чугунная цепочка для карманных часов весом 10 грамм, состоящая из 60 круглых звеньев; чугунный павильон-дворец, выполненный в восточном стиле, который собирался из 1500 чугунных детей. Каслинское литье было удостоено на Парижской выставке высших наград: Большой золотой медали и Гран-при «Хрустальный глобус».

В сказе «Чугунная бабушка» Бажов подробно описывает сам технологический процесс изготовления каслинских чугунных скульптур: от деятельности художника, который лепит фигурку, до работы бронзирщика, осуществляющего ее покраску.

Одним из лучших каслинских мастеров дореволюционной эпохи был литейщик самоучка Василий Федорович Торокин, отливший чугунную часовую цепочку для Парижской выставки. При помощи фигурной линейки и простой нитки мастер занимался уменьшением каслинских чугунных скульптур, чтобы получить возможность снизить их товарную цену, сделав их доступными для покупателей не только Урала, но и всей России. Уникальность мастера «дяди Васи», заключалась в том, что он работал в одиночку, то есть сам формовал скульптуру, занимался ее чеканкой, бронзировал и красил ее.

За «чугунную бабушку», имевшую авторское название «Старуха за прялкой», мастер получил от дирекции 10 рублей. Прототипом «чугунной бабушки» и одновременно носителем «тайной силы» художественного чугуна становится в сказе простая каслинская старушка Анисья Безкрёнова, соседка Василия Торокина: «работящая, характером уветливая, на разговор не скупая» (С.457).

Поединок чугунной скульптуры «бабушки» с бароншей Каролинкой, закончившейся смертью последней, в исследованиях последних двух десятилетий трактуется не столько в патристическом ключе бажовских «Сказов о немцах», сколько в ключе инфернальном: Е.А. Яблоков, Е.К. Созина, С. Вершинин, Д.В. Жердев. Данная традиция интерпретации была заложена еще в середине 1950-х годов Р.Р. Гельгардтом⁴⁵.

Однако принять в полной мере инфернальность данного образа мешает одно важное обстоятельство, неизменно подчеркиваемое Бажовым. «Чугунная бабушка» Анисья воплощает собой, помимо идеи возмездия, идею живой жизни. Именно в этом заключается ее бессмертие. Не случайно внутреннюю красоту и реализм скульптуры хорошо почувствовал управляющий «из добрых», хорошо заплатив Василию Торокину за работу. Впоследствии эта

⁴⁵ Яблоков Е.А. «Миф о статуе» у П. Бажова (Сказ «Чугунная бабушка») // Творчество П.П. Бажова в меняющемся мире: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П.П. Бажова, 28–29 января 2004 г. – Екатеринбург, 2004. С. 135 –141; Созина Е.К. Традиции русской классической литературы в сказах П.П. Бажова // Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ»: Изд- во Урал. ун-та, 2007. С. 414–422; Вершинин С. Жердев Д. Немцы. Персонажи сказов П.П. Бажова // Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург: изд-во «Сократ», изд-во Уральского университета, 2007. С. 266–269; Гельгардт Р.Р. Стиль сказов Бажова: Очерки / Вступ. статья и ред. д-ра ист. наук В.И. Чичерова. – Пермь :Кн. изд-во, 1958. 482 с.

«чугунная бабушка» окажется на столе у важного начальника, назвавшего ее «хорошая вещица», так как «живым от неё пахнет» (С.463).

Борьбой за «живые», то есть лучшие образцы каслинского художественного чугунного литья была отмечена деятельность и самого Бажова в 1940-е гг. По воспоминаниям Е.А. Пермяка (1978), он делал все возможное, чтобы не просто вернуть в Касли художественное литье, заброшенное в Великую Отечественную войну, но и возратить ему то мастерство изготовления скульптур, которое существовало в эпоху В. Торокина⁴⁶.

Через пять лет после написания сказа Бажова в статье М. Златогорова и Дм. Бальтерманца «Каслинские мастера» история каслинского художественного литья стала рассматриваться как важнейшее воплощение идеи социалистического мастерства⁴⁷. В 1950 г. профессор Н.Н. Рубцов издает книгу о выдающихся мастерах русского художественного литья В.П. Екимове и П.К. Клодте⁴⁸. Безусловно, свою роль в популяризации каслинской скульптуры в уже послевоенную эпоху сыграл и сказ Бажова «Чугунная бабушка».

В **Заключении** подводятся итоги и перспективы исследования, отмечается, что «уральская геопозитика» с ее ярко выраженным теллурическим характером, оказала огромное влияние на сказовый мир Бажова. Уральские сказы, рассмотренные в контексте концепции филологической регионалистики, доказывают важность магистральной для писателя темы «каменного дела» и металлов. Мир «каменного дела», золотодобычи и уральской металлургии Бажова во многом способствовал формированию позитивной региональной идентичности уральцев. Сами символические образы сказов, связанные с литическим дискурсом и дискурсом металлов (малахитовая шкатулка, каменный цветок, Серебряное копытце, Огневушка-поскакушка), стали основой для культурной самоидентификации Урала среди других регионов России, его узнаваемым брендом. Бажовская «магия» камня и «власть» металлов, прежде всего, золота оказала исключительное влияние на театральную-кинематографическую жизнь региона: от «Каменного цветка» (1946) до «Золотого полоза» и «Книги мастеров» (2009). Бажовская традиция осмысления магии камня и власти металла на Урале частично нашла свое отражение в «уральской готике» А.Г. Больных: «Лунный кот», «Изумрудная шпага», «Рудная горка Акинфия Демидова», «Стальные бриллианты», «Кошачье золото». Творчество А.Г. Больных доказывает, что горнозаводской металл-литический мир, созданный талантом писателя, продолжает оставаться актуальным для уральской литературы XXI столетия, определяя культурное своеобразие словесности «каменного пояса». Литическая составляющая сказового мира Бажова находит свое отражение и в лингвистических исследованиях. Речь идет о кандидатская диссертация Л.Ю. Степановой (2022), исследовании уральской топонимической школой этимологии названия камней, своеобразия русской «каменной» лексики с опорой на фольклорную культуру, в том числе уральскую, которая представляла особый интерес для Бажова, находя отражение в его сказовом мире.

В качестве перспективы для литературоведческих исследований, выполненных с опорой на наработки данной диссертации, можно рассматривать изучение различных артефактов и образов горнозаводской жизни Урала в сказах Бажова в их эволюции от дореволюционных сказов к сказам, изображающим реалии советской действительности,

⁴⁶ Пермяк Е. Долговечный мастер // Мастер. Мудрец. Сказочник. Воспоминания о П. Бажове. – М.: Советский писатель, 1978. С. 146–180.

⁴⁷ Златогоров М., Бальтерманц Дм. Каслинские мастера // Огонек. 1947. № 38 (сентябрь). С. 7–8.

⁴⁸ Рубцов Н.Н. В.П. Екимов и П.К. Клодт, выдающиеся мастера русского художественного литья. – М.: Машгиз, 1950. 58 с.

взятых в контексте авторской мифологии писателя и с учетом геопоэтических реалий «каменного пояса». В качестве примера подобных образов могут выступать разнообразные литические формы, с которыми Бажов работал в сказах (каменный *цветок*, хрупкая *веточка*, хозяйкино *зарукавье*, железковы *покрышки*, таюткино *зеркальце* и др.). При анализе аурумической темы большим потенциалом обладает серпентологический мир бажовских сказов, начиная от образа Великого Полоза и кончая образом Голубой змейки.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ

1. Ян Юйбин. «Власть камня» в сказах П.П. Бажова // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 83–91; 0,52 п. л.
2. Ян Юйбин. Чудесные камни советской эпохи в сказах П.П. Бажова // Сибирский филологический форум. 2021. № 3 (15). С. 92–106; 0,86 п. л.
3. Ян Юйбин. Испытание золотом в сказах П.П. Бажова // Русская словесность. 2/2022. С. 103–112; 0,58 п. л.

Другие публикации

4. Ян Юйбин. Малахитовые артефакты сказов П.П. Бажова: магический аспект образов // III Международной научно-практической конференции молодых ученых «INITIUM» художественная литература: опыт современного прочтения. Сборник статей молодых ученых. Выпуск 3. – Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2020 г. С. 63–68; 0,34 п. л.
5. Ян Юйбин. П.П. Бажов о жанре сказа (на материале эпистолярный писателя) // IV Международная научно-практическая конференция молодых ученых «INITIUM» художественная литература: опыт современного прочтения. Сборник статей молодых ученых. Выпуск 4. – Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2021 г. С. 84–90; 0,4 п. л.
6. Ян Юйбин. Отрицательные герои в «каменном мире» сказов П.П. Бажова // IX Международная научно-практическая конференция молодых ученых «LITTERA TERRA: Проблемы поэтики русской и зарубежной литературы». Выпуск 15. – Екатеринбург: 2021 г. С. 145–154; 0,58 п. л.